

DOI: 10.23671/VNC.2019.72.35265

«ВЛЮБЛЕННЫЙ В КАВКАЗ»: С. ГОРОДЕЦКИЙ В ОСЕТИИ**Р. Н. Абисалова**

Работа выполнена по подпрограмме «Памятники материальной и духовной культуры в современной информационной среде» в рамках объединенного проекта «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России» ПФИ Президиума РАН, проект «Создание информационно-поисковой системы «Фольклор осетин»»

Объектом внимания в статье является творчество видного представителя русской литературы 1-й половины XX века Сергея Митрофановича Городецкого, чей литературный путь начинается в контексте отечественной литературы конца XIX – начала XX в., в сложную, противоречивую эпоху, насыщенную драматическими событиями. Имя Городецкого связывается с явлением, получившим название «Серебряного века» русской литературы. Он – один из тех, кто стал неотъемлемой частью богатейшего культурного процесса первых десятилетий прошлого века, давшего миру А. Ахматову, А. Блоку, В. Брюсову, К. Бальмонта, Н. Гумилеву, М. Волошину, О. Мандельштаму, С. Есенина и многих других. Это время творческих исканий и блестящих открытий, переосмысления идей, старых литературных направлений, методов и стилей и формирования новых. Творчество Городецкого занимает достойное место в этом процессе, но не ограничивается рамками «Серебряного века». Его долгая творческая жизнь отличается удивительным разнообразием, многогранностью талантов и интересов. Его перу были подвластны поэзия и романная проза, публицистика и драматургия, поэтические переводы и литературоведческие статьи, оперные либретто и рассказы. Природа не обделила Городецкого и художественными способностями – в его наследие вошли портретные зарисовки, дружеские шаржи, книжные и журнальные иллюстрации. Особую страницу составила его просветительская и преподавательская деятельность. В статье представлена та часть творчества Городецкого, которая связана с Осетией, ее фольклором, литературой, этнографией, культурным строительством и просвещением и которая осталась в его творческой биографии почти незамеченной. Знакомство Городецкого с Осетией началось с Нартовского эпоса, который оставил значительный след в его наследии. В статье рассмотрен авторизованный перевод нартовской легенды «Ацамаз и Агунда», а также цикл очерков «Сагат-Ир», опубликованные Городецким в газете «Известия» в 1926 г. как результат его путешествия по горной Осетии в качестве корреспондента газеты. Цикл отразил не только журналистский дар поэта, но и его интерес к фольклору, этнографии, истории и языку осетин. С Осетией связана еще одна грань творчества Городецкого – его перу принадлежит ряд оперных либретто. Одно из них написано на сюжет Нартовского и Даредзановского эпосов. Городецкий в древних эпических сюжетах выразил созвучные его времени идеи свободного труда, преодоления племенной розни, насилия, тяжелого положения женщины-горянки. Герою оперы становится осетинский Прометей «Амран», в ней также присутствуют Ацамаз, Агунда, Курдалагон. Опера «Амран» была поставлена на сцене Большого театра, а ее либретто было удостоено премии. Городецкий был знаком с осетинскими писателями и поэтами, портретные зарисовки которых, сделанные во время декады осетинского искусства и литературы в Москве, хранятся в фонде С. М. Городецкого в Научном архиве СОИГСИ. Там же находятся рукописные автографы белого и черного вариантов стихотворения Городецкого «Памяти Коста Хетагурова», жизнь и творчество которого вызывали интерес и восхищение русского поэта. В статье также найдено отражение просветительской деятельности Городецкого, связанная с Северной Осетией.

Ключевые слова: С. Городецкий, русская литература, «Серебряный век», Осетия, Нартовский эпос, фольклор, цикл очерков, оперные либретто, переводы, просветительская деятельность.

Имя выдающегося российского поэта, прозаика, драматурга, переводчика, литературоведа, журналиста Сергея Митрофановича Городецкого связывается с ярким и плодотворным периодом отечественной литературы, получившим в истории мировой художественной культуры название «Серебряного века» для отличия его от «Золотого века» русской литературы XIX века¹. Литература, как и вся культура рубежа XIX-XX вв., в России, да и в западном мире, отличается пестротой, неоднозначностью, причудливым соединением черт традиционной классической литературы и результатов поисков новых форм и способов художественного отражения действительности. Неоднозначность жизненных процессов порождает множество новых методов, направлений, стилей в искусстве, объединенных общим термином «модернизм». Уже в последней трети XIX в. в литературу и искусство входят такие понятия, как натурализм, импрессионизм, символизм, экспрессионизм. Писатели все больше вовлекались в жизненные процессы, преломляя в своем творчестве новые направления в философии и новейшие открытия естественных наук. Первая мировая война, названная на западе великой, обозначила начало не календарного, а фактического XX в. и породила большую и разножанровую литературу. Огромное воздействие на мировую и русскую литературу оказали две российские революции, поставившие творческую интеллигенцию перед выбором, нередко мучительным, своего пути. Первые десятилетия XX в. характеризуются в России грандиозным скачком в литературе, особенно в поэзии. А. Ахматова, Н. Гумилев, В. Иванов, А. Блок, В. Брюсов, Б. Пастернак, М. Волошин, С. Есенин, В. Маяковский, В. Хлебников, М. Цветаева, С. Городецкий, О. Мандельштам – это далеко

не полный список поэтов, составивших гордость российской литературы. Лев Аннинский – поэт, писатель, литературный критик – писал: «Плотность гениев на единицу «литературной площади» такова, что впору задуматься о «случайном» всплеске природной энергии...» [1, 5]

Именно к этой славной когорте выдающихся художников слова, открывших в начале XX в. молодую русскую литературу, относится и Сергей Митрофанович Городецкий. Творчество его велико и разнообразно, неоднородно по уровню мастерства, произведения его восхвалялись и подвергались критике, друзья по писательскому цеху восторгались его первыми поэтическими сборниками и осуждали за примирение с большевистской властью, за преданную службу в различных советских учреждениях.

Столетие, отделяющее нас от времени, когда многие представители творческой интеллигенции, в том числе С. Городецкий, переживали мучительные сомнения, разрываясь между любовью к России и страстным неприятием непонятного и пугающего, что принесла революция, в которой они еще недавно видели возможность преобразования мира и человека, расставило многое по своим местам. Сегодняшнее восприятие творчества Городецкого, его поэзии, прозы, публицистики, исполненных любви к России, ее прошлому и настоящему, интересом к жизни простого человека, интернационализмом и ощущением себя частью человечества подтверждает тот факт, что поэт не нуждается в защите. Его выбор определен только любовью к родине и невозможностью творить на чужбине. В подтверждение этой мысли можно привести строки стихотворения Анны Ахматовой, под которыми, без сомнения, мог бы подписаться и Городецкий:

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: иди сюда,
Оставь свой край, глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда...

Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух.
Чтоб этой речью недостойной
не осквернился скорбный дух.

Ни в одной из работ Городецкого нет и намека на желание покинуть родину в поисках спокойной и безопасной жизни, как это сделают многие из тех представителей русской творческой интеллигенции, которые отвернулись от «покрасневшего» поэта. Для раннего творчества Городецкого характерно увлечение символизмом, выразившееся в интересе поэта к фольклору, к теме Древней Руси, мифотворчеству, к переработке древних легенд и сказаний. При этом мировоззрение поэта не было заиклено исключительно на истории Руси и ее фольклоре, его привлекала в символизме его открытость мировой культуре, разным источникам, эпохам, направлениям и стилям. От символизма отпочковался акмеизм (или адамизм), одним из теоретиков которого вместе с поэтом Н. Гумилевым стал С. Городецкий².

Для акмеизма, по мнению исследователя русского символизма З. Г. Минц, был характерен «...отказ от мистики, возвращение на землю, ценность вещества и материала, разграниченность явлений различных типов (в противоположность символистской всеобщей соотнесенности)» [2, 384]. Как отмечали многие исследователи литературы Серебряного века, участие Городецкого в деятельности кружка акмеистов было недолгим и скорее теоретическим, чем практическим. Он довольно быстро покидает пределы знаменитой «Башни» В. Иванова, сумев в своем творчестве сосредоточиться на проблемах простого народа, проникнув в его нужды, чаяния, радости и горести, поднявшись над национальным к вершинам интернациональной идеи в литературе и искусстве.

Долгая и многообразная творческая жизнь С. Городецкого отнюдь не ограни-

чивается ни хронологическими рамками Серебряного века, ни перечисленными жанровыми и профессиональными ипостасями этого талантливого и самобытного художника в самом широком смысле слова. Выходец из интеллигентной среды, получивший классическое гуманитарное образование, Городецкий источник своего поэтического вдохновения нашел прежде всего в фольклоре, в неисчерпаемых богатствах русского народного творчества. В автобиографическом очерке «Мой путь» он пишет: «Летом (1904 г. – Р. А.) я поехал ... в усадьбу тогдашней Псковской губернии. Все свободное время я проводил в народе, на свадьбах и похоронах, в хороводах, в играх детей. Увлекаясь фольклором еще в университете, я жадно впитывал язык, синтаксис и мелодии народных песен. Отсюда и родилась моя первая книга «Ярь», с ее реминисценциями язычества и безудержной радостью влюбленности в жизнь, в природу, в девушку...» [3, 8-9]

О восприятии дебютного поэтического сборника молодого поэта творческим сообществом Петербурга писал автор книги «История русского символизма» А. Пайман: «В лучших его стихах слышатся голоса скал, деревьев и воды. Его первая книга «Ярь» (1907), от которой веет духом сосен и весенней свежестью, была встречена с восторгом». И далее он заявляет, что для одного из ярчайших поэтов той эпохи, Вячеслава Иванова, «...колоритное неоязычество С. Городецкого олицетворяло собой молодость самой России, а гневные петербургские стихи о солидарности с бедными и обездоленными вписались в ту же русскую традицию, к которой хотел приобщиться сам Иванов на пути от «изоляции к соборности» [4, 276].

Вскоре после выхода в свет «Яри» А. Блок, дружба с которым началась в стенах Петербургского университета и которому Городецкий впоследствии посвятит несколько работ, в своей статье «О лирике» писал: «Прошло немного больше года с той поры, как на литературное поприще всту-

пил Сергей Городецкий. Но уже звезда его поэзии, как Сириус, яркая и влажная, поднялась высоко. Эта звезда первой величины готова закончить свое первое кругосветное плавание» [5, 79].

В последующие годы выйдут в свет и другие поэтические сборники поэта – «Дикая воля», «Русь», «Цветущий посох», «Четырнадцатый год», «Ангел Армении», «Серп», «Миролом», «Думы», множество других стихотворений, а также прекрасные романы «Сады Семирамиды», «Алый смерч», повести, рассказы, литературные портреты, литературоведческие статьи, драматургические произведения, переводы стихов советских и зарубежных поэтов, оперные либретто и множество других произведений, созданных писателем, поэтом, драматургом, переводчиком, журналистом. Даже этот достаточно обширный перечень жанровых разновидностей наследия Городецкого не исчерпывает всего, что вышло из-под пера этого даровитого автора за его долгую творческую жизнь.

В рамках отдельной статьи невозможно даже коротко охарактеризовать все созданное Городецким, для этого потребовалось бы обширное исследование. Цель настоящей работы значительно скромнее – восполнить, хотя бы частично, пробел в освещении творческой биографии в связи с неоднократными посещениями Сергеем Митрофановичем Северной Осетии и той стороны его творчества, которая имеет отношение к культуре, просвещению, литературе, эпическому наследию осетинского народа. Исключением является лишь небольшая, но информативная статья Ф. Т. Найфоновой «С. М. Городецкий и Кавказ» [6]. В ней достаточно подробно описано пребывание Городецкого в Грузии, Армении и Азербайджане, отражена информация о его активной культурно-просветительской деятельности, о творческих контактах с известными деятелями литературы и искусства – поэтами П. Яшвили, Т. Табидзе, художниками Л. Гудиашвили, О. Сориним, С. Судейкиным, выдающимся

армянским поэтом Ованесом Туманяном. Любовь к этому прекрасному человеку и поэту он пронес через всю жизнь, ему посвятил сборник стихов «Ангел Армении», который в свою очередь стал толчком к созданию лучшего, на наш взгляд, романа Городецкого «Сады Семирамиды» [7]. Этот небольшой роман, по замыслу поэта, должен был стать частью трилогии «Ванский эпос», но была закончена только первая его часть, в которой в полной мере раскрылся талант Городецкого-прозаика. Ему удалось с потрясающей силой воссоздать картины трагедии армянского народа, когда в результате геноцида было уничтожено несколько десятков тысяч мирных жителей Турецкой Армении, множество населенных пунктов, разорены жилища. Роман многообразен в типологическом плане – в нем есть и черты исторического произведения, и признаки документальной прозы, в нем и эпический размах, и щемящая лирика. Он содержит великолепные пейзажные зарисовки, определяющие Городецкого поэта и художника, владеющего даром, в литературоведении именуемым «живописью словом». С кавказским периодом творческой жизни Городецкого связан и его роман «Алый смерч», в котором воспроизведена драматическая обстановка, сложившаяся на Кавказском фронте в период Первой мировой войны, накануне Февральской революции.

По причине изгнания Городецкого агентами меньшевистского правительства из Тбилиси ему пришлось переехать в Баку, где после занятия города Красной Армией он продолжил активную творческую, просветительскую, издательскую и организационную работу.

Знаковым событием в творческой жизни Городецкого явилось знакомство с осетином Аз-Гиреем Тугановым, уроженцем сел. Урсдон, человеком трагической судьбы, проживавшим в Баку после революции и Гражданской войны. Именно он познакомил поэта с Нартовским эпосом, который в дальнейшем сыграет значимую роль в осетинской странице творчества Городецкого.

Первый сюжет, который ввел поэта в мир Нартиады, это история Ацамаза и Агунды, вместившая в себе два мотива, весьма распространенные в мировом фольклоре и эпосах – музыки и музыканта и весеннего возрождения природы. Городецкому всегда был близок мир мифологических героев и не только русских. Одно из его стихотворений называется «Орфейм Севера». Не случайно он обращается к образу осетинского Орфея – Ацамаза.

Нам мало известно о жизни и деятельности Аз-Гирея (Азгирея Татархановича) Туганова, но даже небольшая доступная информация о нем весьма любопытна. Близкий родственник выдающегося художника и фольклориста Махарбека Туганова, Азгирей вместе с ним отправился в Германию для продолжения образования в области изобразительного искусства и ваяния. Вполне вероятно, что именно от Махарбека он услышал вариант нартовского сюжета об Ацамазе и Агунде, который войдет в книгу М. С. Туганова «Дигорон кадангита» в 1911 г. В. И. Абаев назвал его «бесподобной «Песнью о Нарте Ацамазе» [8, 144]. В трехтомное Академическое издание «Нарты. Осетинский героический эпос» вошли записанные Тугановым сказания об Ацамазе и Агунде на дигорском диалекте, в которых описание свадебного пиршества нартов абсолютно идентично тому, как оно воспроизведено на известном полотне художника «Пир нартов»:

...Славные мужи нарты едой-питьем
 Когда насыщаются, то устраивают
 На круглом фынге звучный пляс на носках,
 По краям [большой] чаши –
 нартовские пляски,
 На зеленом дворе – сомкнутый
 торжественный симд... [9, 339]

Именно «тугановский» текст сказания об Ацамазе и Агунде был переведен Сергеем Городецким на русский язык и опубликован в газете «Вольный горец» в 1920 г. Позже расширенное и доработанное стихотворение вошло в поэтическое наследие поэта как литературное произведение, что

является вполне естественным, поскольку на основе фольклорных источников создано великое множество авторских работ. В. И. Абаев приводит несколько опытов литературной обработки нартовских сказаний (А. Кубалова, В. Иксуля, Г. Малиева, Д. Мамсурова и других). В этот список вошел и С. М. Городецкий с его «Ацамазом и Агундой».

В фонде С. М. Городецкого Научного архива СОИГСИ сохраниены автографы чернового, а в фонде «Фольклор» белого вариантов перевода поэтом этого сказания. Черновик как бы впускает нас в творческую лабораторию поэта, дает представление о скрупулезных, иногда мучительных поисках наиболее адекватного воспроизведения смысла и духа произведения, его национальных, исторических и художественных особенностей. Автор стилизует свой перевод осетинской легенды по подобию русской былинной поэзии, в которой отчетливо прослеживается музыкальное, песенное начало:

Богатырь в народе славный, младший
 витязь Ацамаз,
 Поднимается на горы, где вершины
 как алмаз,
 На свирели золоченой начинает он играть,
 Он из черного их дерева умеет вырезать.

 Все вдали зазеленело, с гор со звоном
 по камням
 Потекли потоки бурно вниз к озерам
 и морям,
 Возвещая, что с вершины песня дивная
 слышна,
 О любви и счастье сказку напевает всем
 она.... [10, 1]

Легенда, рассказанная Сергеем Городецкому Азгиреем Тугановым, была воспринята им вовсе не как что-то чуждое, ведь интерес к древности, к истокам народной культуры, к фольклору, скифская тема – были присущи «Серебряному веку», символизму, акмеизму. Достаточно вспомнить хрестоматийное блоковское «...Да, скифы – мы, Да, азиаты – мы, С раскосыми и жадными очами!...» Скифская тема вошла

в круг интересов Городецкого достаточно рано и органично не только в связи с увлечением поэзией А. Блока. Его связывали теплые дружеские отношения с Е. Ю. Кузьминой-Караваевой (Лизой Пиленко), талантливой поэтессой, впоследствии эмигрировавшей во Францию, принявшей постриг и под именем матери Марии погибшей в газовой камере концлагеря Равенсбрюк³.

Первый стихотворный сборник Кузьминой-Караваевой назывался «Скифские черепки» [11]. Эти стихи открыли для Городецкого особый мир – древний, таинственный, загадочный; мир степных скифских курганов, мечей и секир, скифских быстрых скакунов, жертв у треножников, скифских царей и их прекрасных дочерей. Он ощутил в них терпкий вкус и аромат южных ветров, дымных костров, горячей крови, льющейся из ран легендарных героев. Содержание «Скифских черепков» глубоко пронзило поэтическое сознание молодого поэта, оно входило в круг идей символистов, акмеистов, неоромантиков, к которым в разное время имел отношение и Городецкий. На протяжении всей творческой жизни он сохранил преданность русскому фольклору, мировым эпосам, интерес к антично-средневековой европейской культуре.

В последующем творчестве Городецкий предпринял попытку продолжить скифскую тему, написав либретто к балету выдающегося русского композитора С. Прокофьева на скифскую тему. Однако балет не понравился заказчику – Сергею Дягилеву. На основе музыки несостоявшегося балета Прокофьев напишет свою знаменитую «Скифскую сюиту», которая с успехом будет исполняться почти во всех европейских столицах. В 1916 г. это произведение было исполнено в Мариинском театре. «Скифская сюита» не оставила равнодушным никого, ее и превозносили, и ругали, музыка молодого композитора-новатора Прокофьева казалась многим пугающе непонятной. Зато известный поэт «серебряного века» К. Бальмонт назвал Прокофьева

«Непобедимым скифом» и написал в честь «Скифской сюиты» восторженный сонет.

Через много лет, познакомившись с Нартовским эпосом, Городецкий, возможно интуитивно, ощутил его глубинную связь со скифской историей – даже если не был знаком с работами античных историков – и не расставался с ним в дальнейшем творчестве.

Аллюзиями и реминисценциями осетинский эпос вошел в цикл очерков, в которых высветилась еще одна грань его яркого и самобытного таланта – журналиста, мастера документально-художественного жанра.

В середине 20-х гг. Городецкий совершил поездку в Северную Осетию в качестве корреспондента газеты «Известия». Под впечатлением увиденного он написал ряд блестящих репортажей, они были опубликованы в 1926 году в нескольких номерах под общим названием «Сагат-Ир» (Северная Осетия). В очерках отразилось романтическое восприятие поэтом видов горного Кавказа, его поэтический восторг от созерцания величественной красоты природы, столь отличной от неброских красот российских равнин, а также его неподдельный интерес к жизни людей, к их культуре, обычаям, традициям, языку. Городецкий далек от сухого журнализма, когда пишется исключительно «по заданию редакции», он – прежде всего художник в самом широком смысле этого слова, для которого, говоря словами Валерия Брюсова, «...искусство только там, где дерзновение за грань, где порывание за пределы познаваемого, в жажде зачерпнуть хоть каплю «стихии чуждой, запредельной». Поэт наслаждается возможностью ощутить эту запредельную стихию могучих гор, в которых свидетельство вечности, космоса, мистики, тайн, и только истинному художнику доступны ключи этих тайн, «...растворяющих человечеству двери ... к вечной свободе» [12, 86].

Первому очерку предпослано маленькое введение, значение которого в полной

мере осознается сейчас, по прошествии почти целого века: Городецкий фиксирует начало эпохи расцвета интереса к иранистике, к осетинскому языку, к носителям этого языка. Эта эпоха даст миру целую плеяду блестящих ученых, в числе которых Ж. Дюмезиль и В. И. Абаев.

Городецкий пишет: «Сагат-Ир – Северная Осетия. Ир – тот же самый корень, что и в слове Ирландия. Новые русские филологи во главе с Н. Я. Марром бредят Осетией. Названия всех осетинских рек оканчиваются на «дон» – Гизелдон, Ардон» [13, 6] ⁴.

В своих очерках Городецкий погружает читателя в атмосферу живописной красоты осетинских горных ущелий, не скрывая восхищения от созерцания открывшейся ему неповторимой картины кавказского мира: «...зеленые горы подняты землей в минуту отдыха после чудовищной работы, поднявшей Кавказский хребет, и есть в них тихая радость и милый уют... Медленно и лениво обнимало нас зелеными лапами ущелье, потом лапы его стали чернеть, суживаться и теснить реку, вода стала глубже, начались бесконечные переходы с берега на берег в поисках «дороги», ущелье шло вверх, и с каждым шагом свежей становится воздух...» (с. 6).

Сын равнинной России, привыкший к плавным широким рекам, Городецкий с восторгом принимает и стремительные, бурные реки горного Кавказа. Описывая свою встречу с Гизельдоном, он называет его «веселым и неутомным», употребляет целый ряд глаголов движения, передающих динамику и напор водного потока (река «извивается», «пробивает себе туннели», «размывает бассейны», «кипит, сердится, играет, пенится маленькими водопадами»). Причудливые метафоры, одушевляющие природу, вкупе с описанием звуков, запахов, красок позволяют читателю ощутить красоту горных пейзажей не как что-то далекое и экзотическое, а как свое, родное. Основная цель репортажей о горной Осетии для Городецкого – не только описать красоту природы, но и приблизить Осет

тию к России, вызвать интерес к ее народу, истории, культуре. Человек, живущий среди прекрасной и суровой природы, своим трудом преобразующий окружающий мир – главная ценность для поэта. Он воспринимает горцев-осетин как особый народ – гордый, красивый, мужественный, трудолюбивый и гостеприимный. С. Городецкий не склонен приукрашивать условия жизни в горных селениях, пишет о бедности их жилищ, об отсутствии элементарного комфорта, о болезнях, распространенных среди простого народа, об их почти поголовной неграмотности.

Описывая их тяжелую жизнь в горах, их незатейливый быт, Городецкий в то же время признает особое обаяние горцев, верность традициям и обычаям предков, трепетное отношение к своей истории, языку, культуре. Он отмечает радушие, с которым осетины принимают гостей в своих домах, их уважение и толерантность по отношению к инородцам. Пристальное внимание к жизни горцев, стремление подробно описать устройство их жилищ, трудовую деятельность, пищу, напитки, застолье, праздничные ритуалы свидетельствуют не только о журналистском любопытстве автора, но и о его научных, этнографических интересах. Он легко вступает в мир осетинской традиционной жизни, не противопоставляя себя ей, а, напротив, с удовольствием участвуя в интересном для него действе под названием «осетинское гостеприимство». Так, он признается, что в ауле Кобан, войдя в дом, «сделал непростительную ошибку – забыл передать винтовку хозяину». Тот «ласково, но убедительно задержался на последней ступени, пока я не догадался снять и вручить ему оружие. Он тут же вынул патроны и передал их мне, а винтовку внес в комнату» (с. 7). Так Городецкий познакомился с обычаями горцев не входя в чужой дом с заряженным оружием. Затем он отмечает убранство жилища – свет от маленькой керосиновой лампы, белые стены, на которых старинные фотографии и олеографии, два тахты с горами подушек, стол, два стула.

Описывая застолье, автор обозначает его как священнодействие. Он по-осетински называет араку и фыджины и тут же объясняет, что «это замечательнейший тип пирогов с дыркой в верхней корке, из которого, как из маленького вулкана, несутся пары бараньего бульона и лука» (с. 7). Городецкого более всего интересует не еда, а тосты, которые произносятся за столом. Он воспринимает их как соревнование в красноречии между хозяином дома и человеком, сопровождающим журналиста в качестве гида, называя его «культурнейшим человеком и осетиннейшим осетином». Его интерес привлекает не только содержание тостов, но и характер звуков осетинского языка, их тональность, тембр и ритмичность голосов. Для него голос «тостовика» звучит как «нарастающая к концу буря гортанных, кипящих слов, которую можно было слушать, как музыку». Выдающийся знаток фольклора, Городецкий с неподдельным интересом внимает рассказываемым за столом историям, определяя их жанровую принадлежность то как притчу о законах горского гостеприимства, то как хорошо известную в настоящее время родовую легенду о Тага и Курта. В очерке звучит признание Городецкого, которое может стать эпиграфом ко всей истории его взаимоотношений с Осетией и осетинами: «Давно влюбленный в Кавказ и до сих пор питающий слабость к родовому быту, я с подлинным восторгом отвечал этим чудесным людям, страна которых таит так много сил и в людях и в природе». Искренность этих слов подтверждается его дальнейшим интересом к Осетии, ее фольклору, литературе, науке, просвещению, культурному строительству, к ее прошлому и настоящему.

Интерес к этнографии и устному народному творчеству осетин красной нитью проходит через весь цикл очерков «Сагат-Ир» (по Северной Осетии).

При созерцании природы Осетии, ее памятников старины, ритуальных обрядов, пиршеств и жертвоприношений в воображении Городецкого возникают образы мировых эпосов и мифологии, например,

скандинавской. Так, описывая одну из долин Даргавского ущелья, священное для местных жителей место, где поэт стал свидетелем жертвоприношений в честь громовержца Уацилла, он сравнивает это место с Валгаллой, загробной обителью бога Одина и его крылатых дев Валькирий из «Эдды» – сборников древней скандинавской эпической поэзии. Схожие ассоциации возникают в его воображении и при созерцании потрясшей его картины даргавского «Города мертвых»: «Мы быстро проносимся по долине, и налево над нами встает фантастический город. Просто глазам не веришь, откуда это? Древней Скандинавией, сагами и викингами, картинами Рериха веет от этих строений... Это целый город с узкими улицами, театрально красивый архитектурный пейзаж». Автор удивленно восклицает: «Кто и для кого его строил? Какой сильной культурой владели люди, построившие его!» (с. 2)

Острый взгляд Городецкого-интеллектуала проникает в самую суть истории и культуры предков осетин. Он восхищается архитектурой и обустроенностью древнего памятника, высокой культурой его создателей, пытается понять принцип внутреннего устройства даргавских могильников, о которых ученые спорят до сих пор (рис. 1).

При описании осетинских горных селений Кобан, Даргавс, Каккадур встречаем аллюзии Нартовского эпоса, эпизоды которого живут в творческой памяти журналиста. Вспоминая дорогу, ведущую к аулу Кобан, он пишет, что под нависшими скалами приходилось проезжать, наклоня голову, в то время как «...осетины не делают косяков в дверях, чтоб не наклоняться, и чтоб бог не подумал, что они ему кланяются» (с. 5). Любому, кто знаком с осетинским эпосом, понятно, что Городецкий вспоминает эпизод мотива, именуемого «Гибель нартов». В этом же очерке просматривается еще одна реминисценция Нартиады. Автор повествует о немецком ученом Рудольфе Вирхов, который в 70-е гг. XIX в. для Берлинского музея вывез из Кобанских

могильников черепа с медными заклепками – «остаток древнейших верований в то, что тело нужно починить, прежде чем хоронить – ведь не может же на том свете воин жить с пробитой головой» (с. 8).

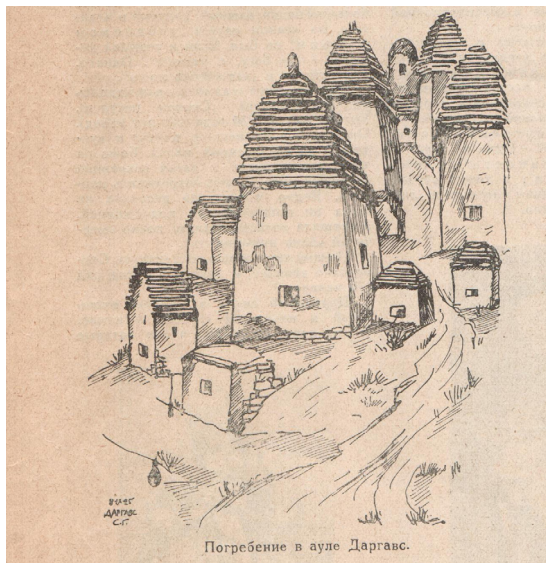

Рис. 1. Погребение в ауле Даргавс.
Автор С. Городецкий

Здесь очевидна соотнесенность содержания эпизода очерка Городецкого с эпизодами Нартовского эпоса, в которых рассказывается о том, как герои-нарты отдают свои пробитые в сражениях черепа легендарному кузнецу Курдалагону для починки их при помощи медных заклепок.

Городецкий-журналист не оставляет без внимания тяжелые жизненные условия обитателей горных ущелий, их убогие жилища, примитивные орудия труда, скудную еду, но он не равнодушный констататор этих трудностей. Он с болью говорит о природных богатствах, таящихся в недрах Кавказских гор, но пока еще не приносящих пользы людям: «Край богат, но сейчас живет, как нищий. Только четыре месяца здесь не бывает снега, скот гоняют далеко вниз. Земли, где можно сеять, здесь ничтожное количество... Тяжелое впечатление оставляет эта безвыходная нищета...» (с. 1). И все же очерки Городецкого не пессимистичны, они окрашены восторгом автора от созерцания волшебной природы, его восхищением мужеством и силой,

таящихся в недрах простого народа, благодарностью за гостеприимство, которое он сполна ощутил даже в самых бедных лачугах. Он неподдельно увлечен древней историей осетин, их богатым фольклором – эпическими песнями, легендами, сказками, бережно сохраняемыми в народной памяти и передаваемыми из уст в уста.

Творческая память Городецкого надолго сохранит впечатления, полученные от поездки в горные ущелья Осетии, от общения с простыми людьми. История, мифология, этнография, эпос осетин – все это в дальнейшем трансформируется в произведении, ярко отразившем еще одну грань таланта поэта, прозаика, драматурга, журналиста и литературоведа Сергея Городецкого – его страсть к музыке и авторство многочисленных либретто к музыкальным спектаклям. С 1924 г. творческая жизнь Городецкого связана с Большим театром, куда он был приглашен А. В. Луначарским, тогдашним наркомом просвещения. Обращение Городецкого к музыкально-сценарному жанру оказалось весьма плодотворным: он написал либретто к операм «Прорыв» С. Потоцкого, «Александр Невский» Г. Попова, новое либретто к опере М. Глинки «Иван Сусанин», выполнил новые переводы либретто классических опер «Нюрнбергские мейстерзингеры», «Фиделио», «Лоэнгрин» и др. В одном из либретто он в очередной раз обращается к осетинской тематике – к Нартовскому и Даредзановскому эпосам. В 1928 г. он воплотил на сцене Большого театра образ осетинского Прометея Амрана. Прометей – один из известнейших, «вечных» образов мировой художественной культуры. Вышедший из глубин античной мифологии, этот полубог-получеловек, культурный герой, давший людям многие знания и подаривший им огонь, в последующие эпохи становился героем многих произведений, воплощаясь то в образе ренессансного титана, то гуманиста эпохи Просвещения, то романтического страдальца-одиночки. Образ Прометея в литературе создали Ге-

сиод, Лукиан, Эсхил, Кальдерон, Леопарди, Вольтер, Байрон, Шелли, Гете, Гердер и др. Городецкий пишет либретто «Освобожденный Прометей» – симфонической поэмы для хора с декламацией и мелодекламацией – на музыку одной из ранних симфонических поэм Ф. Листа, на основе произведения немецкого поэта эпохи Просвещения Иоганна Гердера. «Прометей» И. Гердера привлек Городецкого своим оптимизмом, верой в силу человека, в торжество гуманизма. Этот герой стал одним из самых любимых в его творчестве. Возможно, поэтому, познакомившись с осетинским Прометеем – Амраном, Городецкий загорается идеей создания либретто к опере об этом эпическом персонаже. Основой для сюжета послужили Нартовский и Даредзановский эпосы, а также впечатления от путешествия в горные ущелья Северной Осетии, описанные им цикле очерков «Сагат-Ир». В либретто по мифологическому принципу не обозначено время действия, но автор вводит повествование в контекст современной проблематики – похищение девушек и как следствие – кровная месть, разобщенность обитателей горских племен, бесправное положение женщины как в родительском доме, так и в доме мужа, и т.д. На передний план в идейном содержании Городецкий выдвигает мысль о единении народа, преодолении вековых заблуждений, о борьбе за свободу. Образ «дарителя» огня, осетинского Прометея – Амрана подчинен этой идее. В опере не отражены полубожественная сущность Амрана, его богоборчество. Здесь он – основатель одного из осетинских родов, чем и обусловлена необыкновенная сила этого рода. Герой прикован к стене в пещере, но даже в таком состоянии динамичен и экспрессивен – «Дайте свободу мне! Всем я свободу дам!» – восклицает он. В контекст либретто вошли и любимые Городецким нартовские Ацамаз и Агунда (по неизвестной причине автор называет ее Ахундой). Он сохраняет своему герою черты осетинского Орфея – его волшебная золотая свирель своими чудесными звуками

пробуждает природу от зимней спячки – но не воспроизводит историю любви Ацамаза и Агунды. Это несколько обедняет сюжет, поскольку мотив борьбы Ацамаза за обладание ею наполняет легенду лирическим звучанием. Агунда-Ахунда любит Габи (в некоторых вариантах он Ахмет), но выйдя за него замуж, страдает от своего бесправия в сакле мужа: «Саклю родную я бросила/Стало мне жить хуже прежнего. Что мне делать, невольнице,/Пленнице гор заколдованных» [14, 11]⁵.

Она даже готова избавиться от Габи и по совету подруг отправляет его на погибель к богатырям-нартам для добычи их мягких бород, из которых Агунда сошьет себе шубу. Здесь явно прослеживаются следы исторических источников о вражеских скальпах, которые скифы использовали в быту, и нартовского сюжета о знаменитой шубе Сослана.

Нартовский Курдалагон так же, как Амран, представлен «культурным героем»:

Бей, мой молот, бей могучий, крепче бей!
Откопал я под снегами сплав руды.
Из тяжелого железа цепь сковал.
Не порвутся эти цепи никогда (с. 71).

Он сковал цепь, с помощью которой молодежи из рода Алдара и рода Амрана, объединив усилия, преодолев вражду, освобождают Амрана, который в опере символизирует свободу, единство народа, совместный радостный труд:

Дайте свободу мне!/Всем я свободу дам!...
Я вижу людские долины/в кровавом тумане
вражды.

Разрушены мирные скалы,
/От крови краснеют ручьи...
Эхо устало слушать стоны людей.
Встань, Амран!/Цепи сорви!
К людям иди!/Рабство убей (с. 74).

Волшебная свирель Ацамаза преобразуется – теперь она воспекает не любовь, а борьбу народа за свою свободу:

В ней старая песнь о любви умерла.
В ней новая песнь о борьбе зародилась.
Смелей, Ацамаз! Песню новую спой

Людские страдания и муки мои
Пусть в ней зазвучат громогласно!
И пусть с этой песней пойдут на борьбу
Невольники жизни, страдальцы
земные!

И пусть с этой песней свободу возьмут
И станут владыками жизни!

Смелее, певец!

Пой о свободе!

Рабов подымай! (с. 78).

Курдалагон единомушен с Амраном:

Такую песню/Я часто слышал

/В шуме горна.

Я гулким молотом

/Прибавлю звуков/Свирели нежной.

Опера заканчивается общим радостным хором молодежи, вдохновленной освобождением Амрана и преодолением вражды между двумя родами:

Не хотим мы горя!/Мы хотим свободы!
Вместе одолеем/Нищету неволи! (с. 80)

Либретто оперы «Амран» С. Городецкого имело успех. В автобиографии 1958 г. поэт писал: «В плане вагнеровского театра я создал либретто «Амран» («Прометей»), получившее первую премию на конкурсе Большого театра» [3, 17] ⁶.

Об авторстве музыки оперы «Амран» существуют противоречивые сведения – биограф Городецкого С. Машинский указывает в качестве автора композитора Я.Е. Столлера. Газета «Вечерняя Москва» от 10 марта 1928 г. известила о прослушивании в Бетховенском Большого театра новой оперы Л. Столяра «Амирон» («Прометей») на текст С. Городецкого (с. 1) ⁷.

Во второй части очерка «Даргавс и Каккадур» Городецкий, демонстрируя основательную осведомленность, рассказывает об успехах, достигнутых молодой республикой за короткое время: «Надо сказать, что сделано уже немало. Устроен осетинский педтехникум, широко ведется просветительская работа, с 1925 года работает осетинский институт краеведения и издает свои труды, в 1919 году основано... исто-

рико-филологическое общество, давшее уже ряд ученых исследований по музыке, языку и т.д.» (с. 1). Пробыв совсем недолго в Осетии, Городецкий четко обозначил круг проблем, требующих первоочередных решений: организация народного образования, решение вопроса о едином литературном языке, издание учебников. Он выражает уверенность в том, что «осетины имеют достаточно интеллигентских сил, чтобы организовать теперь же культработу» (с. 1). Автор с удовлетворением пишет об издании в Осетии сборника литературно-художественных произведений «Малуцаг», о переводческой деятельности Цоцко Амбалова и других осетинских писателей, о плодотворной работе национального театра. Он отмечает: «на наших глазах пробуждается целая нация, и на примере Осетии ярко видно, как верна и плодотворна национальная политика нашего Союза» (с. 1).

Городецкий в дальнейшем не прекращал контактов с Осетией, принимал активное участие в культурно-просветительской работе. В 20-х гг. прошлого столетия с лекциями о литературе, искусстве, о собственном творчестве он побывал во многих городах России (в Казани, Курске, Нижнем Новгороде, Ростове-на-Дону, Петрограде, Иваново-Вознесенске и др.). Не один раз бывал во Владикавказе. В фонде С.М. Городецкого (НА СОИГСИ) хранится афиша Владикавказского городского театра, анонсирующая участие поэта в работе общества «Долой неграмотность». Городецкий выступил с лекцией на тему «Театр, искусство, литература и новый быт», сопровождая ее чтением своих новых стихов. Председательствовал профессор А.Р. Гюнтер. В диспуте участвовали известные осетинские ученые – Г.Г. Бекоев, Г. Кесаев, А.С. Курская, проф. М. Мисиков, проф. Смирнов, проф. Б.В. Скитский и др. Афиша извещала о том, что в прениях могут участвовать все желающие, а весь сбор поступит в фонд общества «Долой неграмотность». В афише указаны только число и месяц, когда была прочитана лекция, но судя по совпадению

этих дат с теми, когда во Владикавказе проходила 2-я Северо-Кавказская Краевая Методическая Конференция по вопросам ликвидации неграмотности среди горских народов, это произошло в сентябре 1925 г.

В этом же фонде имеются документы, свидетельствующие об участии Городецко-го в работе конференции. Записи, сделанные Городецким на листках блокнота делегата конференции, свидетельствуют о его равнодушии к проблемам просвещения в горских республиках, об обеспокоенности медленным увеличением процента грамотных людей в них. Сохранилась записка, написанная Городецким во время работы конференции: «Грамоту в горы! В статистике горских автономных областей есть жуткие цифры: 82% (Кабардино-Балкария), 85,3% (Сев. Осетия), 88,5% (Адыгэ-Черкесская), 94,4 (Карачаево-Черкесская), 96,4% (Ингушетия), 99,4% (Чечня). Это – процент неграмотных. Такова горская действительность. Было бы утопией думать, что завет Ильича о ликвидации неграмотности к 10-й октябрьской годовщине может здесь быть выполнен на все 100%. План краевого съезда предусматривает на ближайшее время охват 60% школьников. Сев.-Кавказская конференция по вопросам ликвидации неграмотности среди горцев только что подвела итог полуторагодовой работы и наметила дальнейший путь» [15, 13].

С горечью констатируя непростую ситуацию с ликвидацией неграмотности в горских республиках, Городецкий не допускает необоснованного оптимизма, но удовлетворен намеченными путями преодоления этой проблемы. Уже через год, в 1926 г., в свой очередной приезд в Северную Осетию, описывая достижения в культурном строительстве, он с удовлетворением перечисляет все, что было сделано в этом направлении в нашей республике.

В 1939 г. Осетия вместе со всей страной отмечала 80-летие со дня рождения классика осетинской литературы, основоположника осетинского литературного языка Коста Левановича Хетагурова. Городецкий

принимал участие в торжествах по этому поводу. К этой юбилейной дате приурочено его стихотворение «Друг народа». Позже, в 1946 г., поэт посвятит Коста еще одно стихотворение – «Памяти Коста Хетагурова», рукописные автографы чернового и белого вариантов которого хранятся в фонде Городецкого в НА СОИГСИ (рис. 2):

Отчего по снегам и гранитам
В этом крае, судьбою забытом,
Вдруг промчался ласкающий свет.
Оттого, что под крышей худою,
Где нужда подружилась с бедою,
В темном хлеве родился поэт.

Он запел о суровой природе,
И о нищем, несчастном народе,
Богатырском народе своем.
И его осетинская лира
Над неправдою старого мира
Прозвучала, как праведный гром,

Отчего затуманились скалы,
И орел, словно путник усталый,
Неподвижно над бездной поник?
Оттого что среди ночи безлунной
Замолчали призывные струны,
Как закованный льдами родник.

Но народное сердце, как эхо,
Каждый звук, полный слез или смеха,
Сберегло и до нас донесло
В мир наш честный, любимый наш, новый,
Где свободно сердечное слово,
Где и песням и людям тепло.

Отчего по снегам и гранитам,
В этом крае, ущельями скрытом,
Льется праздничный радостный свет?
Оттого что, овеянный славой,
Всем народам страны величавой
Стал родным осетинский поэт [16, 1-2].

Это стихотворение, может быть, не очень совершенное в плане художественного мастерства, покоряет читателя искренностью чувств, задушевностью, музыкальностью. Необходимо отметить, что в кабинете С. Городецкого в «Палатах Годунова», на Красной площади, д. 1 висела в рамке фотография Коста Хетагурова (копия с известной фотографии 1894 г.), в одном ряду с портретами А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого (инфор-

мация дочери С.М. Городецкого Рогнеды Городецкой). Это свидетельствует о высокой оценке Городецким творчества выдающегося осетинского поэта. Без сомнения, Городецкого и Коста Хетагурова объединяют многогранность творчества, любовь к родине и преданность своему народу, космичность творческого мировоззрения, когда «весь мир – мой храм, любовь – моя святыня, вселенная – отечество мое!». Оба поэта черпают вдохновение в глубинах народного творчества и в то же время открыты для мировой художественной культуры.

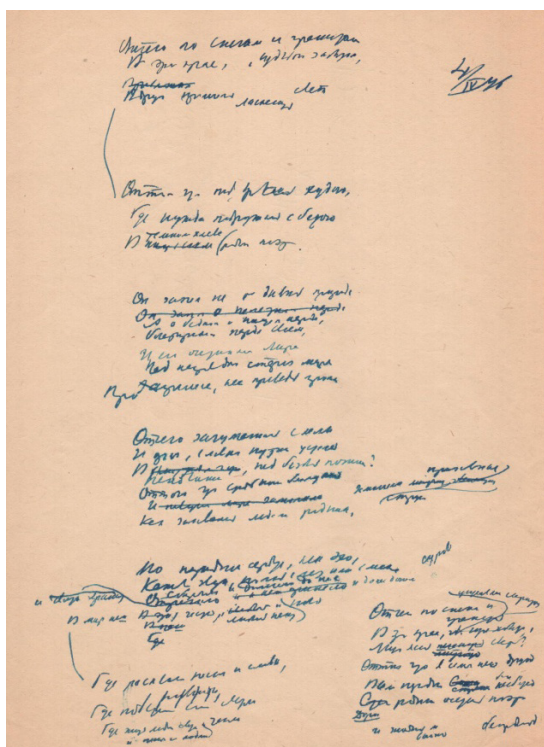

Рис. 2. Черновой вариант стихотворения С. Городецкого «Памяти Коста».

Связь Городецкого с Осетией, осетинской литературой и фольклором не прерывалась на протяжении многих лет. 14 марта 1941 г. Президиумом Союза советских писателей было издано постановление «О создании Всесоюзного Комитета для изучения, издания и популяризации Нартовского эпоса». Было принято решение о создании Нартовской комиссии в составе: поэта Н. Тихонова (председатель), писатель-

ницы М. Шагинян, хорошо знакомой с осетинской литературой и фольклором, поэта С. Городецкого, что явилось признанием его как знатока и популяризатора Нартовского эпоса. В комиссию также вошли А. Коцоев, И. Джанаев (Нигер), Б. Боциев, Х. Плиев, В. Абаев, М. Туганов. В том же году в Москве состоялась декада осетинской литературы и искусства, участие в которой принял и Сергей Митрофанович. Он общался с осетинскими поэтами и писателями, участвовал в обсуждении их произведений, рассказывал о своей творческой работе. В общении с осетинскими писателями отразилась еще одна грань творчества Городецкого – его художественный талант. Он создал карандашные портреты писателей и поэтов – участников декады: Т. Балаева, В. Дзасохова, К. Цабиева, Г. Кайтукова, Г. Гаглоева, А. Болаева, Х. Плиева. Кстати, Городецкий перевел на русский язык стихотворение Хадо Плиева, посвященное С.М. Кирову. Портреты остались у Городецкого и после его кончины вошли в ту часть его фонда, которая впоследствии была передана в НА СОИГСИ [17, 2-8]. Очевидно, писатели преподнесли их Городецкому в знак признательности за его внимание к Осетии и осетинскому народу. Это подтверждают дарственные надписи, сделанные литераторами на своих портретах (рис. 3-5).

Рис. 3. Г. Кайтуков

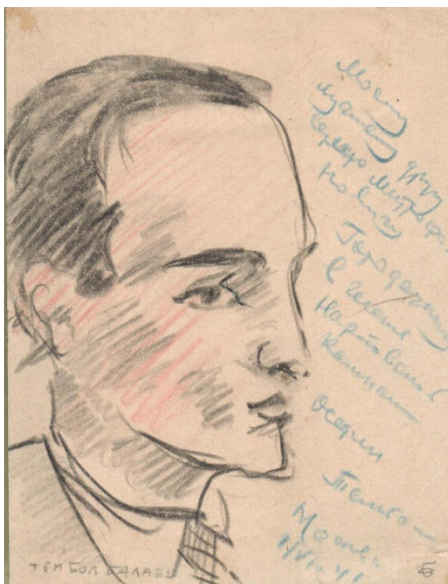

Рис. 4. Т. Балаев

Рис. 5. Х. Плиев

Рис. 3-5. Портретные зарисовки осетинских писателей С. Городецкого.

Портреты осетинских писателей и поэтов – не единственное свидетельство талан-

та Городецкого-художника. Многочисленные рисунки, портретные зарисовки, шаржи, автопортреты, иллюстрации к своим произведениям – все это наглядно демонстрирует еще одну грань многообразного дарования Городецкого. Путешествуя по горной Осетии, он сопровождал свои очерки «Сагат-Ир» изящными и точными зарисовками знаменитого «Города мертвых» в Даргавсе, осетинских сторожевых башен, пещерного погребения в ауле Кобан. Позже Городецкий использует эти рисунки в качестве иллюстрации к своему очерку «Осетинские погребения» [18, 1].

Таким образом, в статье предпринята попытка из обширного творческого наследия С. М. Городецкого выделить произведения, связанные с осетинским фольклором, литературой, этнографией, просвещением и культурным строительством.

Примечания:

1. О литературе «Серебряного века» см. работы П. Басинского, Н. Богомолова, В. Брюсова, А. Блока, Л. Долгополова, В. Келдыша, З. Минц, А. Пайман, Д. Святополк-Мирского, С. Федякина; о творчестве С. М. Городецкого – Ю. Дарояна, В. Енишерлова, С. Машинского, И. Островской, Т. Щербаковой и др.

2. Работы Н. Гумилева «Наследие символизма и акмеизма», С. Городецкого «Некоторые течения в современной русской поэзии» и «Утро акмеизма» О. Мандельштама стали манифестами акмеизма.

3. А. Блок был близок с Лизой Пиленко, посвятил ей несколько стихотворений, в т.ч. хрестоматийное «Когда вы стоите на моем пути...»

4. В дальнейшем номера страниц дела 7 Ф. С. М. Городецкого (НА СОИГСИ) будут указаны после цитаты в круглых скобках.

5. В дальнейшем номера страниц дела 12 Ф. С. М. Городецкого (НА СОИГСИ) будут указаны после цитаты в круглых скобках.

6. Р. Вагнер – немецкий композитор, дирижер, музыкант (1813–1883) – почти все свои оперы создал на основе сюжетов германо-скандинавской мифологии: «Летучий голландец», «Тангейзер», «Лоэнгрин», «Парсифаль», «Валькирия», «Гибель богов», «Зи-гфрид» и др.

7. Скорее всего, в объявлении «Вечерней Москвы» допущена ошибка, т.к. во всех черновиках либретто С. Городецкого указано всегда как Амран, а не Амиран или Амирон.

1. Аннинский Л. Серебро и чернь. Русское, советское, славянское, всемирное в поэзии Серебряного века. М., 1997.

2. Минц З. Г. Поэтика русского символизма // Статьи о русской и советской поэзии. СПб., 2004. С. 340-413.

3. Городецкий С. М. Жизнь неукротимая: Статьи. Очерки. Воспоминания. М., 1984.

4. Пайман А. История русского символизма. М., 2000.

5. Блок А. А. О литературе. М., 1980.

6. Найфонова Ф. С. М. Городецкий и Кавказ // Всероссийские Миллеровские чтения. 2014. Т. 4. С. 410-420.

7. Городецкий С. Избранные произведения. В 2 т. М., 1987. Т. 2. Проза..

8. Абаев В. И. Избранные труды. Религия. Фольклор. Литература. Владикавказ, 1990. Т. 1.

9. Нарты. Осетинский героический эпос. М., 1989. Т. 2.

10. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований (НА СОИГСИ). Ф. Фольклор. Оп. 1. П. 81. Д. 48.

11. Кузьмина-Караваева Е. Ю. Скифские черепки. СПб., 1912.

12. Брюсов В. Ключи тайн // Сочинения: в 2 т. М., 1987. Т. 2. С. 72-87.

13. НА СОИГСИ. Ф. С. М. Городецкого. Оп. 1. Д. 7.

14. НА СОИГСИ. Ф. С. М. Городецкого. Оп. 1. Д. 11.

15. НА СОИГСИ. Ф. С. М. Городецкого. Оп. 1. Д. 9.

16. НА СОИГИ. Ф. С. М. Городецкого. Оп. 1. Д. 3.

17. НА СОИГСИ. Ф. С. М. Городецкого. Оп. 1. Д. 6.

18. НА СОИГСИ. Ф. С. М. Городецкого. Оп. 1. Д. 8.

Abisalova, Raisa N. – V.I. Abaev North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS; raisa-abisalova@yandex.ru

«ENAMOURED WITH THE CAUCASUS»: S. GORODETSKY IN OSSETIA.

Keywords: S. Gorodetsky, Russian literature, «The Silver Age», Ossetia, Narts' epic, folklore, cycle of essays, opera libretto, translations, educational activities.

The object of attention in the article is the work of the prominent representative of the Russian literature of the 1st half of the 20th century Sergei Gorodetsky, whose literary way begins in the context of Russian literature of the late 19th and early 20th centuries and into a complex, controversial era, full of dramatic events. Gorodetsky's name is associated with the phenomenon known as the Silver Age of the Russian literature. He is one of those who became an integral part of the richest cultural process of the first decades of the last century, alongside with A. Akhmatova, A. Blok, V. Bryusov, K. Balmont, N. Gumilyov, M. Voloshin, O. Mandelstam, S. Yesenin and many others. This is a time of creative searches and brilliant discoveries, reconsidering ideas, old literary trends, methods and styles and the formation of new ones. Gorodetsky's work takes significant place in this process, but is not limited to the framework of the «Silver Age». His long creative life is remarkable for its amazing diversity, versatility of talents and interests. He was good at poetry and novel prose, journalism and dramaturgy, poetry translations and literary articles, opera librettos and short stories. His heritage included portrait sketches, friendly cartoons, book and magazine illustrations. He is also famous for his educational and teaching activities. The article presents that part of S. Gorodetsky's work, which is associated with Ossetia, its folklore, literature, ethnography, cultural construction and education, which almost went unnoticed in his creative biography. Gorodetsky's acquaintance with Ossetia began with the Narts' epic, which left a significant mark on his heritage. The article deals with the authorized translation of the Narts' legend «Atsamaz and Agunda», as well as the series of essays «Sagat-Ir» published by S. Gorodetsky in the newspaper «Izvestia» in 1926 as a result of his travels through mountainous Ossetia as a newspaper correspondent. The cycle reflected not only the journalistic talent of the poet, but also his interest in folklore, ethnography, history and the language of the Ossetians. Another aspect of Gorodetsky's work connected with Ossetia is number of opera librettos. One of them is based on the plot of the Narts' and Daredzan epics. Gorodetsky expressed the ideas of his time: free labour, overcoming tribal hatred, violence, and the plight of female highlanders in ancient epic plots. The Ossetian Prometheus «Amran» becomes the hero of the opera; Atsamaz, Agunda, and Kurdalagon also taking part in it. The opera was staged at the Bolshoi Theater, and its libretto received an award. Gorodetsky was familiar with Ossetian writers and poets, whose portrait sketches, made during the decade of Ossetian art and literature in Moscow, are stored in the S. Gorodetsky collection in the Scientific Archive of the Institute for Humanitarian and Social Studies. There are manuscript autographs of Gorodetsky's poem «In Memoriam of Kosta Khetagurov», whose life and work the Russian poet admired. The article also reviews the educational activities of S. Gorodetsky related to North Ossetia.

REFERENCES

1. Anninsky, L. *Serebro i chern'. Russkoye, sovetkoye, slavyanskoye, vseмирnoye v poezii Serebryanogo veka* [Silver and black. Russian, Soviet, Slavic, universal in the poetry of the Silver Age]. Moscow, Knizhnyy sad, 1997. 224 p.
2. Mints, Z. G. *Poetika russkogo simvolizma* [Poetics of Russian Symbolism]. *Stat'i o russkoy i sovetkoy poezii* [Articles on Russian and Soviet Poetry]. St. Petersburg, Iskusstvo – SPb., 2004, pp. 340-413.
3. Gorodetsky, S. M. *Zhizn' neukrotimaya: Stat'i. Ocherki. Vospominaniya* [Indomitable Life: Articles. Essays. Memories]. Moscow, Sovremennik, 1984. 256 p.

4. Payman, A. *Istoriya russkogo simvolizma* [History of Russian Symbolism]. Moscow, Respublika, 2000. 415 p.
5. Blok, A. A. *O literature* [About the literature]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1980. 350 p.
6. Nayfonova, F. S. M. *Gorodetsky i Kavkaz* [Gorodetsky and the Caucasus]. *Vserossiyskiye Millerovskiye chteniya* [All-Russian Miller readings]. 2014, vol. 4, pp. 410-420.
7. Gorodetsky, S. *Izbrannyye proizvedeniya. V 2 t.* [Selected works. In 2 vols]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1987, vol. 2. Prose. 138 p.
8. Abayev, V. I. *Izbrannyye trudy. Religiya. Fol'klor. Literatura* [Selected Works. Religion. Folklore. Literature]. Vladikavkaz, Ir, 1990, vol. 1. 638 p.
9. *Narty. Osetinskiy geroicheskiy epos* [The Narts. Ossetian heroic epic]. Moscow, Nauka, 1989, vol. 2. 492 p.
10. *Nauchnyy arkhiv Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniy (NA SOIGSI)* [Scientific archive of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies (SA NOIHSS)]. Fund Folklor. Inventory 1. File 81. Case 48.
11. Kuzmina-Karavayeva, E. Yu. *Skifskiye cherepki* [Scythian shards]. St. Petersburg, Tsekh poetov, 1912. 46 p.
12. Bryusov, V. *Klyuchi tayn* [Keys of mysteries]. *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1987, vol. 2, pp. 72-87.
13. NA SOIGSI [SA NOIHSS]. Fund of S. M. Gorodetsky. Inventory 1. Case 7.
14. NA SOIGSI [SA NOIHSS]. Fund of S. M. Gorodetsky. Inventory 1. Case 11.
15. NA SOIGSI [SA NOIHSS]. Fund of S. M. Gorodetsky. Inventory 1. Case 9.
16. NA SOIGSI [SA NOIHSS]. Fund of S. M. Gorodetsky. Inventory 1. Case 3.
17. NA SOIGSI [SA NOIHSS]. Fund of S. M. Gorodetsky. Inventory 1. Case 6.
18. NA SOIGSI [SA NOIHSS]. Fund of S. M. Gorodetsky. Inventory 1. Case 8.